

Гроссман Василий Семёнович

Годы войны

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г88

Г88 **Гроссман Василий Семёнович**
Годы войны / Гроссман Василий Семёнович – М.: Книга по Требованию, 2012. – 328 с.

ISBN 978-5-458-03290-2

Основу книги составляет повесть «Народ бессмертен», впервые напечатанная в июле-августе 1942 г. в «Красной звезде», — первое в русской литературе и одно из самых удачных произведений о событиях Отечественной войны. В сборнике также опубликованы очерки талантливого писателя, прошедшего всю войну с первого дня до последнего. Произведения, вошедшие в золотой фонд советской военной прозы, вобрали в себя личные впечатления и наблюдения писателя от корреспондентских поездок по фронтам Великой Отечественной войны и стали документальной основой сталинградских романов «За правое дело» и «Жизнь и судьба».

ISBN 978-5-458-03290-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

В. С. Гроссман
Годы войны

Вас. Гроссман

Годы войны

1941

Народ бессмертен

I. Август

Летним вечером 1941 года по дороге к Гомелю шла тяжёлая артиллерия. Пушки были так велики, что многоопытные, всё видавшие обозные с интересом поглядывали на колоссальные стальные стволы. Пыль висела в вечернем воздухе, лица и одежда артиллеристов были серы, глаза воспалены. Лишь немногие шли пешком, большинство сидело на орудиях. Один из бойцов пил воду из своего стального шлема, капли стекали по его подбородку, увлажнённые зубы блестели. Казалось, что номер артиллерийского расчёта смеётся, но он не смеялся — лицо его было задумчиво и утомлённо. «Воздух!» — протяжно крикнул шедший впереди лейтенант.

Над дубовым леском в сторону дороги быстро шли два самолёта. Люди тревожно следили за их полётом и переговаривались:

— Это наш!

— Нет, немец.

И, как всегда в таких случаях, была произнесена фронтовая острота:

— Наш, наш, где моя каска!

Самолёты шли наперерез дороги, и это значило, что они наши: немецкие машины обычно, завидя колонну, разворачивались на курс, параллельный дороге.

Мощные тягачи волокли орудия по деревенской улице. Среди белых мазанных хаток, маленьких деревенских палисадников, засаженных курчавым золотым шаром и красным, горящим в лучах захода, пионом, среди сидящих на завалинках женщин и белобородых стариков, среди мычания коров и пёстрого собачье-го лая, странно и необычно выглядели огромные пушки, плывущие по мирной вечерней деревне.

Возле небольшого мостика, стонавшего от страшной, непривычной тяжести, стояла легковая машина, пережидавшая, пока пройдут пушки. Шофёр, привыкший, очевидно, к такого рода остановкам, с улыбкой оглядывал пьющего из каски бойца. Сидевший рядом с ним батальонный комиссар то и дело смотрел вперёд — виден ли хвост колонны.

— Товарищ Богарёв, — сказал шофёр с украинским выговором, — может, поночуем здесь, а то стемнеет скоро.

Батальонный комиссар покачал головой.

— Надо спешить, — сказал он, — мне необходимо быть в штабе.

— Всё равно ночью не проедем по этим дорогам, в лесу ночевать будем, — сказал шофёр.

Батальонный комиссар рассмеялся.

— Что, молока захотелось?

— Ну, и что же, ясное дело — выпить молока, картошки бы жареной поели.

— А то и гусятины, — сказал батальонный комиссар.

— А хибя ж нет? — с весёлым энтузиазмом спросил шофёр.

Вскоре машина выехала на мост. За ней побежали белоголовые ребятишки.

— Дядьки, дядьки, — кричали они, — возьмите огурцов, возьмите помидоров, возьмите грушек, — и они бросали в полупущенное окно автомобиля огурцы и твёрдые, недозрелые груши.

Богарёв помахал ребятам рукой и почувствовал, что холодок волнения проходит по его груди. Он не мог без горького и одновременно сладкого чувства видеть, как провожали крестьянские ребятишки отступающую Красную Армию.

Сергей Александрович Богарёв до войны был профессором по кафедре марксизма-ленинизма в одном из московских вузов. Исследовательская работа увлекала его, он старался поменьше уделять часов чтению лекций; главный интерес Богарёва был в исследовании, начатом им года два тому назад. Приходя с работы домой и садясь ужинать, он вытаскивал из портфеля рукопись и читал её. Жена расспрашивала его, по вкусу ли ему еда, достаточно ли посолена яичница, он отвечал невпопад; она сердилась и смеялась, а он говорил: «Знаешь, Лиза, я сегодня испытал подлинное наслаждение — читал письмо Маркса, его лишь недавно откопали в одном старом архиве».

И вот Сергей Александрович Богарёв — заместитель начальника отдела Политуправления фронта по работе среди войск противника. Иногда ему вспоминаются прохладные залы институтского хранилища рукописей, стол, заваленный бумагами, лампа под абажуром, поскрипывание подвижной лестницы, которую передвигает заведующая библиотекой от одной книжной полки к другой. Иногда в мозгу его всплывают отдельные фразы из не дописанной им работы, и он задумывается над вопросами, так живо и горячо волновавшими его.

Машина бежит по фронтовой дороге. Пыль тёмная, кирпичная, пыль жёлтая, мелкая серая пыль, — от неё лица кажутся мёртвыми, тучи пыли стоят над фронтовыми дорогами. Эту пыль поднимают сотни тысяч красноармейских сапог, колёса грузовиков, гусеницы танков, тягачи, орудия, маленькие копытца овец, свиней, табуны колхозных лошадей, огромные стада коров, колхозные тракторы, скрипящие подводы беженцев, лапти колхозных бригадиров и туфельки девушек, уходящих из Бобруйска, Мозыря, Жлобина, Шепетовки, Бердичева. Пыль стоит над Украиной и Белоруссией, пыль клубится над советской землёй. Ночью тёмное августовское небо багровеет злым румянцем деревенских пожаров. Тяжёлый гул разрывов авиабомб прокатывается по тёмным дубовым и сосновым лесам, по трепетному осиннику; зелёные и красные трассирующие пули прошивают тяжёлый бархат неба, как белые искры, вспыхивают разрывы зенитных снарядов, нудно гудят в высоком мраке «Хейнкели», груженные фугасными бомбами, кажется, звук их моторов говорит: «ве-з-зу, ве-з-зу». Старики, старухи, дети в деревнях, хуторах, провожая отступающих бойцов, говорят им: «Молочка выпейте, голубчики... Съешь творожку, пирожок возьми, сынок... Огурчиков на дорогу». Плачут, плачут старушечьи глаза, ищут среди тысяч пыльных, суровых, утомлённых лиц лицо сына. И протягивают старухи белые узелки с гостинцами, просят: «Бери, бери, голубчик, все вы в моём сердце, как дети родные».

Немецкие полчища двигались с запада. На германских танках нарисованы черепа с перекрещенными костями, зелёные и красные драконы, волчи пасти и

лисы хвосты, рогатые олени головы. Каждый немецкий солдат несёт в кармане фотографии побеждённого Парижа, разрушенной Варшавы, опозоренного Вердена, сожжённого Белграда, захваченного Брюсселя и Амстердама, Осло и Нарвика, Афин и Гдыни. В каждом офицерском бумажнике — фотографии немецких девиц и женщин с чёлками и локонами, в полосатых пижамных штанах; на каждом офицере амулеты — золотые побрякушки, ниточки кораллов, набивные чучелки с жёлтыми бисерными глазками. У каждого в кармане русско-германский военный разговорник с простыми фразами: «Руки вверх», «Стой, ни с места», «Где оружие?», «Сдавайся». Каждый немецкий солдат заучил: «Млеко», «Клеб», «Яйки», «Коко», «дз-дз» и слово «Давай, давай». Они шли с запада.

И десятки миллионов людей поднимались навстречу им со светлой Оки и широкой Волги, с суровой жёлтой Камы и пенящегося Иртыша, из степей Казахстана, из Донбасса и Керчи, из Астрахани и Воронежа. Народ поднимал оборону, десятки миллионов верных рабочих рук копали противотанковые рвы, окопы, блиндажи, ямы. Шумные рощи и леса ложились молча тысячами своих стволов поперёк шоссеиных дорог и тихих просёлков, колючая проволока оплетала заводские и фабричные дворы, железо обращалось противотанковыми ежами на площадях и улицах наших милых зелёных городков.

Богарёв иногда удивлялся лёгкости, с какой сумел он внезапно, в течение нескольких часов, отрезать прежнюю свою жизнь; он радовался тому, что сохранял рассудительность в тяжёлых положениях, умел действовать решительно и быстро. И самое главное, он видел, что и здесь, на войне, он сохранил себя и свой внутренний мир, и люди верят ему, уважают его и чувствуют его внутреннюю силу. Однако он не был удовлетворён своей работой, ему казалось что он недостаточно близко стоит к красноармейцам, к стержню войны, и ему хотелось из Политуправления перейти к непосредственной боевой работе.

Часто приходилось ему допрашивать немецких пленных, — большей частью это были ефрейторы и унтер-офицеры. Он замечал, что чувство ненависти к фашизму, томившее его днём и ночью, при допросах сменялось презрением и брезгливостью. В большинстве пленные вели себя трусливо. Быстро и охотно называли они номера частей, вооружение, уверяли, что они — рабочие, сочувствовавшие коммунизму, сидевшие некогда в тюрьме за революционные идеи, и все в один голос говорили: «Гитлер капут, капут», хотя было совершенно очевидно, что внутренне они уверены в обратном.

Лишь изредка попадались фашисты, находившие мужество заявлять в плену о своей преданности Гитлеру, о своей вере в главенство германской расы, призванной поработить народы мира. Богарёв обычно подробно расспрашивал их, — они ничего не читали, даже фашистских брошюр и романов, не слышали не только о Гёте и Бетховене, но и о таких деятелях германской государственности, как Бисмарк, и знаменитых среди военных именах Мольтке, Фридриха Великого, Шлиффена. Они знали лишь фамилию секретаря своей районной организации национал-социалистской партии. Богарёв внимательно изучал приказы германского командования. Он отмечал в них широкую способность к организации: немцы организовано и методически грабили, выжигали, бомбили, немцы умели организовать сбор пустых консервных банок на военных биваках, умели разработать план сложного движения огромной колонны с учётом тысяч деталей и пунктуально, с математической точностью, выполнять эти детали. В их способ-

ности механически подчиняться, бездумно маршировать, в сложном и огромном движении скованных дисциплиной миллионных солдатских масс было нечто низменное, не свойственное свободному разуму человека. Это была не культура разума, а цивилизация инстинктов, нечто идущее от организованности муравьев и стадных животных.

За всё время Богарёву среди массы германских писем и документов попало только два письма: одно — от молодой женщины к солдату, другое — не отправленное солдатом домой, где он увидел мысль, лишённую автоматизма, чувство, свободное от тупой, мещанской низменности; письма, полные стыда и горечи за преступления, творимые германским народом. Однажды ему пришлось допрашивать пожилого офицера, в прошлом преподавателя литературы, и этот человек тоже оказался мыслящим и искренно ненавидящим гитлеризм.

— Гитлер, — сказал он Богарёву, — не создатель народных ценностей, он захватчик. Он захватил трудолюбие, промышленную культуру германского народа, как невежественный бандит, угнавший великолепный автомобиль, построенный доктором технических наук.

«Никогда, никогда, — думал Богарёв, — им не победить нашей страны. Чем точней их расчёты в мелочах и деталях, чем арифметичней их движения, тем полней их беспомощность в понимании главного, тем злей ждущая их катастрофа. Они планируют мелочи и детали, но они мыслят в двух измерениях. Законы исторического движения в начатой ими войне не познаны и не могут быть познаны ими, людьми инстинктов и низшей целесообразности».

Машина его бежала среди прохлады тёмных лесов, по мостикам над извилистыми речушками, по туманным долинам, мимо тихих прудов, отражавших звёздное пламя огромного, августовского неба. Шофёр негромко сказал:

— Товарищ батальонный комиссар, помните, там боец из каски пил, тот, что на орудии сидел? И вот чувство мне такое пришло — наверное, брат мой; теперь понял я, отчего он меня так заинтересовал!

II. Военный совет

Дивизионный комиссар Чередниченко перед заседанием военного совета гулял по парку. Он шёл медленно, останавливаясь, чтобы набить табаком свою короткую трубку. Пройдя мимо старинного дворца с высокой мрачной башней и остановившимися часами, он спустился к пруду. Над прудом свешивались зелёные пышные космы ветвей. Утреннее солнце ярко освещало плававших в пруду лебедей. Казалось, что движения лебедей так медленны и шеи их так напряжены оттого, что тёмнозелёная вода густа, туга и её невозможно преодолеть. Чередниченко остановился и, задумавшись, смотрел на белых птиц. Мимо, по аллее со стороны узла связи, шёл молодой майор с тёмной бородкой. Чередниченко знал его — он работал в оперативном отделе и два раза докладывал дивизионному комиссару обстановку. Поравнявшись с Чередниченко, майор громко сказал:

— Разрешите обратиться, товарищ член военного совета!

— Давайте, давайте, обращайтесь, — сказал Чередниченко, следя, как лебеди, потревоженные громким голосом майора, отплывали к противоположному берегу пруда.

— Только что получено донесение от командира семьдесят второй эс-де.

— Это от Макарова, что ли?

— Так точно, от Макарова. Сведения весьма важные, товарищ член военного совета: вчера около двадцати трёх противник начал движение крупными массами танков и мотопехоты. Пленные показали, что они принадлежат к трём различным дивизиям танковой армии Гудериана и что направление движения им было дано на Унечу¹ Новгород — Северск. Майор поглядел на лебедей и сказал:

— Танковые дивизии, показывают пленные, не полного комплекта.

— Так, — сказал Чередниченко, — я об этом знал ночью. Майор пытливо поглядел на его морщинистое лицо с большими узкими глазами. Цвет глаз у дивизионного комиссара был гораздо светлее, чем тёмная кожа лица, издевавшая ветры и морозы русско-германской войны 1914 года и степные походы гражданской войны. Лицо дивизионного комиссара казалось спокойным и задумчивым.

— Разрешите итти, товарищ член военного совета? — спросил майор.

— Доложите последнюю оперсводку с центрального участка.

— Оперсводка с данными на четыре ноль ноль.

— Ну, уж и ноль ноль, — сказал Чередниченко, — а может быть, на три часа пятьдесят семь минут.

— Возможно, товарищ член военного совета, — улыбнулся майор. — В ней ничего особенного нет. На остальных участках противник особой активности не проявлял. Лишь западнее переправы он занял деревню Марчихина Буда, понеся при этом потери до полутора батальонов.

— Какая деревня? — спросил Чередниченко и повернулся к майору.

— Марчихина Буда, товарищ член военного совета.

— Точно? — строго и громко спросил Чередниченко.

— Совершенно точно.

Майор на мгновение задержался и, улыбнувшись, сказал виноватым голосом:

— Красивые лебеди, товарищ член военного совета. Их князь Паскевич-Эриванский водил, как мы гусей в деревне заводили. А вчера двух убило во время налёта, птенцы остались.

Чередниченко снова раскурил трубку, выпустил облако дыма.

— Разрешите?

Чередниченко кивнул. Майор пристукнул каблуками и пошел в сторону штаба мимо стоявшего у старого клёна порученца дивизионного комиссара. Чередниченко долго стоял, глядя на лебедей, на яркие пятна света, лежавшие на зелёной поверхности пруда. Потом он сказал низким сиплым голосом:

— Что же, мамо, что ж, Леня, увидимся ли с вами? — и закашлял солдатским трудным кашлем.

Когда он возвращался своей обычной медленной походкой к дворцу, поджидавший его порученец спросил:

— Товарищ дивизионный комиссар, прикажете отправить машину за вашей матерью и сыном?

— Нет, — коротко ответил Чередниченко и, поглядев на удивлённое лицо порученца, добавил. — Сегодня ночью Марчихина Буда занята немцем.

Военный совет заседал в высоком сводчатом зале с портьерами на длинных и узких окнах. В полусумраке красная скатерть с кистями, лежавшая на столе, казалась чёрной. Минут за пятнадцать до начала дежурный секретарь бесшумно прошёл по ковру и шопотом спросил порученца:

— Мурзихин, яблоки командующему принесли? Порученец скороговоркой

ответил:

— Я велел, как всегда, и нарзан и «Северную Пальмиру», да вот уже несут.

В комнату вошёл посыльный с тарелкой зелёных яблок и несколькими бутылками нарзана.

— Поставьте вот на тот маленький стол, — сказал секретарь.

— Та хибя ж я не знаю, товарищ батальонный комиссар, — ответил посыльный.

Через несколько минут в зал вошёл начальник штаба, генерал с недовольным и усталым лицом. Следом за ним шёл полковник, начальник оперативного отдела, держа свёрток карт. Полковник был худ, высок и краснолиц, генерал, наоборот, — полный и бледный, но они чем-то очень походили один на другого. Генерал спросил у вытянувшегося порученца:

— Где командующий?

— На прямом проводе, товарищ генерал-майор.

— Связь есть?

— Минут двадцать, как восстановили.

— Вот видите, Пётр Ефимович, — сказал начальник штаба, — а ваш хваленый Стемехель обещал лишь к полдню.

— Что же, тем лучше, Илья Иванович, — ответил полковник и с принятой в таких случаях строгостью подчинённого добавил: — Когда вы спать ляжете? Не спите ведь уже третью ночь.

— Ну, знаете, обстановка такая, что не о сне думать, — ответил начальник штаба и, подойдя к маленькому столу, взял яблоко. Полковник, расстеливший карты на большом столе, тоже протянул руку за яблоком. Порученец и стоявший у библиотечного шкафа секретарь, улыбаясь, переглянулись.

— Да вот оно, это самое, — сказал начальник штаба, наклоняясь над картой и разглядывая толстую синюю стрелу, обозначающую направление движения германской танковой колонны в глубину красного полукруга нашей обороны. Он, прищурившись, всматривался в карту, потом

— Чорт, что за возмутительная кислятина! Полковник тоже надкусил яблоко и поспешно проговорил:

— Да, доложу я вам, — чистый уксус. — Он сердито спросил у порученца: — Неужели для военного совета нельзя лучших яблок достать? Безобразие!

Начальник штаба рассмеялся.

— О вкусах не спорят, Пётр Ефимович. Это специальный заказ командующего, он любитель кислых яблок.

Они наклонились над столом и негромко заговорили между собой. Полковник сказал:

— Угроза главной коммуникационной линии, явно расшифровывается цель движения, вы только посмотрите, ведь это обхват левого фланга.

— Ну, уж и обхват, — сказал генерал, — скажем, — потенциальная угроза обхвата. — Они положили надкусенные яблоки на стол и одновременно распрямились: в зал вошёл командующий фронтом Ерёмин — высокий, сухощавый, с седеющей, коротко стриженной головой. Он вошёл, громко стуча сапогами, шагая не по ковру, как все, а по начищенному паркету.

— Здравствуйте, товарищи, здравствуйте, — сказал он. Оглядев начальника штаба, он спросил: — Что это у вас такой вид утомлённый, Илья Иванович?

Начальник штаба, обычно называвший командующего по имени и отчеству — Виктором Андреевичем, сейчас, перед важным заседанием военного совета, громко ответил:

— Чувствую себя превосходно, товарищ генерал-лейтенант, — и спросил: — Разрешите доложить обстановку?

— Что ж, вот и дивизионный комиссар идёт, — сказал командующий.

В зал вошёл Чередниченко, молча кивнул и сел на крайний стул в углу стола.

— Минуточку, — сказал командующий и распахнул окно. — Я ведь просил раскрывать окна, — и он строго посмотрел на секретаря.

Обстановка, которую докладывал начальник штаба, была нелёгкой. Пробивные клинья немецко-фашистской армии били во фланги наших частей, угрожая им окружением. Части наши отходили к новым рубежам. На каждой речной переправе, на каждом холмистом рубеже шли кровавые бои. Но враг наступал, а мы отступали. Враг занимал города и обширные земли. Каждый день фашистское радио и газеты сообщали о новых и новых победах. Фашистская пропаганда торжествовала. Были и у нас люди, видевшие лишь вещи, казавшиеся им неопровержимыми: немцы шли вперёд, советские войска отступали. И эти люди были подавлены, не ждали хорошего впереди. В «Фелькишер беобахтер» печатались огромные шапки, набранные красными буквами, в фашистских клубах произносились радостные речи, жёны ждали своих мужей домой, — казалось, речь идёт о днях и неделях.

Докладчик, и его помощник полковник, и секретарь, и командующий, и дивизионный комиссар — все видели синюю стрелу, направленную в тело советской страны. Полковнику она казалась страшной, стремительной, не ведающей усталости в своём движении по разлинованной бумаге. Командующий знал больше других о резервных дивизиях и полках, о находящихся в глубоком тылу соединениях, идущих с востока на запад; он прекрасно чувствовал рубежи боёв, он физически ощущал складки местности, шаткость понтонов, наведённых немцами, глубину быстрых речушек, зыбкость болот, где он встретит германские танки. Для него война происходила не только на квадратах карты. Он воевал на русской земле, на земле с дремучими лесами, с утренними туманами, с неверным светом в сумерках, с густой невыбранной коноплей, с высокими хлебами, скирдами, овинами, с деревушками на обрывистых берегах рек, с оврагами, заросшими кустарником. Он чувствовал протяжённость сельских большаков и извилистых просёлков, он ощущал пыль, ветры, дожди, взорванные полустанки, разрушенные пути на разъездах. И синяя стрела не пугала и не волновала его. Он был хладнокровный генерал, любивший и знавший свою землю, умевший и любивший воевать. Ему хотелось одного — наступления. Но он отступал, и это мучило его.

Его начальник штаба, профессор Академии, обладал всеми достоинствами учёного военного, знатока тактических приёмов и стратегических решений. Начальник штаба был богат опытом военно-исторической науки и любил находить черты сходства и различия в операциях, которые проводили армии, с другими сражениями XX и XIX веков. Он обладал умом живым и не склонным к догме. Он высоко оценивал способность германского генералитета к манёвру, подвижность фашистской пехоты и умение их авиации взаимодействовать с наземными войсками. Его удручало отступление наших армий, синяя стрела,

казалось ему, была направлена в его собственное сердце русского военного.

Начальник оперативного отдела штаба мыслил категориями военной топографии. Для него единственной реальностью являлись квадраты двухкилометровки, и он всегда точно помнил, сколько листов карты было сменено на его столах, какие дефиле прочерчены синим и красным карандашом. Война, казалось ему, шла на картах, её вели штабы. Синие стрелы движения германских моторизованных колонн, выходившие на флангах советских армий, казалось ему, двигались по математическим законам масштабов и скоростей. В этом движении он не видел иных закономерностей, кроме геометрических.

Самым спокойным человеком был молчаливый дивизионный комиссар Чередниченко. «Солдатский Кутузов», — прозвали его. В самые раскалённые часы боёв вокруг этого неторопливого, медленного человека с задумчивым, немного грустным лицом создавалась атмосфера необычайного спокойствия. Его насмешливые лаконичные реплики, его острые, крепкие словца часто повторялись и вспоминались. Все хорошо знали его широкоплечую, коренастую фигуру, он часто прогуливался медленно, задумчиво попыхивая трубкой, либо сидел на скамейке и, немного нахмурив лоб, думал, и всякому командиру и бойцу становилось веселей на душе, когда видели они этого скуластого человека с прищуренными глазами и нахмуренным лбом, с короткой трубкой во рту.

Во время доклада начальника штаба Чередниченко сидел, опустив голову, и нельзя было понять, слушает он внимательно или задумался. Лишь один раз он встал, подошёл к начальнику штаба, посмотрел на карту.

После доклада командующий начал задавать вопросы генералу и полковнику и поглядывал на дивизионного комиссара, ожидая, когда он примет участие в обсуждении. Полковник каждый раз вынимал из кармана гимнастёрки вечную ручку, пробовал перо на ладони, затем снова прятал, а через мгновение опять вынимал её, пробовал острее на ладони. Чередниченко наблюдал за ним. Командующий прохаживался по залу, и паркет скрипел под его тяжёлыми шагами. Лицо Ерёмина хмурилось, — движение немецких танков шло в обход левого фланга одной из его армий.

— Слушай, Виктор Андреевич, — неожиданно сказал дивизионный комиссар, — ты привык с детства к зелёным яблокам, что из соседних садов таскал, так до сих пор этой привычки держишься, а люди, видишь, из-за тебя страдают.

Все поглядели на лежащие рядом надкушенные яблоки и рассмеялись.

— Надо не только зелёные ставить, действительно — конфуз, — сказал Ерёмин.

— Есть, товарищ генерал-лейтенант, — улыбаясь, ответил секретарь.

— Что же тут, — произнёс Чередниченко и, подойдя к карте, спросил начальника штаба: — Вы на этом рубеже предлагаете закрепиться?

— На этом, товарищ дивизионный комиссар, Виктор Андреевич полагает, здесь мы сумеем очень активно и с наибольшим эффектом применить средства нашей обороны.

— Это-то верно, — сказал командующий, — тут начальник штаба предлагает для лучшего проведения манёвра произвести контратаку в районе Марчихиной Буды, вернуть это село. Как ты думаешь, дивизионный?

— Вернуть Марчихину Буду? — переспросил Чередниченко, и в голосе его было нечто, заставившее всех поглядеть на него. Он раскурил потухшую трубку,

выпустил клуб дыма, махнул по этому дыму рукой и долго молча глядел на карту.

— Нет, я против, — проговорил он и, водя мундштуком трубки по карте, стал объяснять, почему он считает эту операцию нецелесообразной.

Командующий продиктовал приказ об усилении войск левого фланга и перегруппировке армейской группы Самарина. Он приказывал двинуть навстречу германским танкам одну из имевшихся в его резерве стрелковых частей.

— Ох и хорошего комиссара им дам, — сказал Чередниченко, подписывая вслед за командующим приказ.

В это время гулко прокатился разрыв авиабомбы, тотчас за ним — второй. Послышалась размеренная пальба малокалиберных зениток и тихий, ноющий звук моторов германских бомбардировщиков. Начальник штаба сердито сказал полковнику:

— А эдак минуты через две в городе дадут сигнал воздушной тревоги.

Дивизионный комиссар сказал секретарю:

— Товарищ Орловский, вызовите мне Богарёва.

— Он здесь, товарищ дивизионный комиссар, я хотел доложить вам после заседания.

— Хорошо, — сказал дивизионный комиссар и, выходя из зала, спросил Ерёмину: — Значит, условились насчёт яблок?

— Да, да, дивизионный, договорились, — ответил командующий. — Яблоки всех сортов.

— То-то, — сказал Чередниченко и пошёл к двери, сопровождаемый улыбающимися генералом и полковником. В дверях он мелко сказал полковнику — Вы, полковник, зря ручку вечную вертели, для чего это вертеть ручку? Разве можно хоть секунду колебаться? Нельзя, нельзя. Побьём немца.

Секретарю военного совета Орловскому, считавшему себя знатоком человеческих отношений, всегда казалось непонятным чувство дивизионного комиссара к Богарёву. Дивизионный, старый военный, около двадцати лет служивший в войсках, всегда относился с некоторым скептицизмом к командирам и комиссарам, призванным из запаса. Богарёв составлял исключение, непонятное секретарю.

Дивизионный, беседуя с Богарёвым, совершенно менялся, терял свою молчаливость; однажды он просидел с Богарёвым в кабинете почти до утра. Секретарь ушам своим не верил: дивизионный говорил горячо, много, громко, задавал вопросы, снова говорил. Когда секретарь вошёл в кабинет, оба собеседника были разгорячены, они, видимо, не спорили, но вели разговор, необычайно важный для них обоих. Теперь, выйдя из зала заседания, дивизионный комиссар не улыбнулся, как обычно, увидя поднявшегося при его входе и вытянувшегося Богарёва, а подошёл к нему с суровым выражением и произнёс голосом, какого никогда не слышал у него секретарь на самых торжественных смотрах:

— Товарищ Богарёв, вы назначены военным комиссаром стрелковой части, которой командование ставит важную задачу.

Богарёв ответил:

— Благодарю за доверие.

III. Город в сумерках